

Мак-Гахан Януарий Алоизий

**Военные действия на Оксусе и
падение Хивы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я65

Я65 **Януарий Алоизий М.**
Военные действия на Оксусе и падение Хивы / Мак-Гахан Януарий Алоизий – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 361 с.

ISBN 978-5-519-94714-5

ISBN 978-5-519-94714-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

исчисляя, черезъ сколько, примѣрно, времени залъется вода въ самый тарантасъ и промочить имъ ноги, одѣяла, оружіе и провизію.

Эти двое унылыхъ путешественниковъ—г. Скайлеръ, „chargé d'affaires“ при посольствѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, предпринявшій путешествіе по Центральной Азіи, и авторъ этой книги, на пути въ Хиву.

Было время когда не знали они ни унынія, ни покорности, ни грусти, когда вѣхали они полные надеждъ и радужныхъ мечтаній, съ легкимъ сердцемъ, сгорая лишь желаніемъ новизны и приключеній, — время когда они щедро расточали свои совѣты ямщикамъ-Киргизамъ, сердились, видя что имъ не слѣдуютъ, когда они выходили изъ себя, бѣсились и ругались, били какъ лошадей, такъ и возницъ, полагая такой избытокъ энергіи на это стремленіе къ скорѣйшему передвиженію что погружали въ полнѣйшее недоумѣніе мирныхъ туземцовъ, но результатовъ не достигали почти никакихъ.

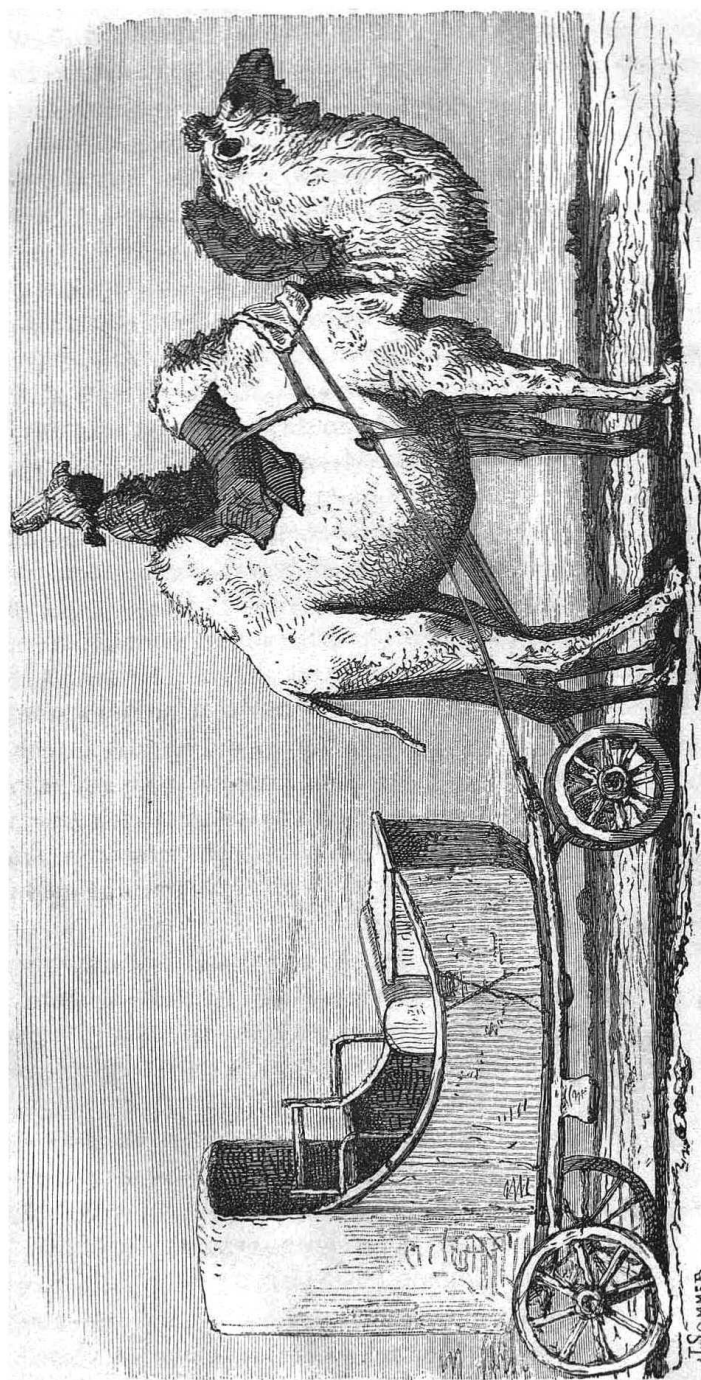
Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, много воды утекло. Въ ихъ оцѣнкой памяти все это представлялось дѣлами давно минувшихъ лѣтъ. Теперь эти самые герои-бойцы покорно возсѣдали въ своемъ тарантасѣ, положившись во всемъ на волю Божію, наблюдая за бьющимися лошадьми, гиканьемъ ямщиковъ и погруженіемъ въ грязь колесъ, уже не думая предлагать ни помощи, ни совѣтовъ. Четырехнедѣльное путешествіе по почтовому тракту днемъ и ночью, по ровнымъ морознымъ степямъ Россіи и широкимъ снѣжнымъ равнинамъ Азіи, при двадцати и болѣе градусахъ мороза, война съ отчаяннымъ упрямствомъ русскихъ ямщиковъ и невыносимой тупостью джигитовъ и собственниковъ лошадей, безсиліе изнуренныхъ и оголодалыхъ клячъ, которыя едва были въ состояніи передвигать свои собственные ноги, не говоря уже объ нашемъ тяжеломъ тарантасѣ и багажѣ, упорство строптивыхъ верблюдовъ, томившихъ насъ по цѣлымъ часамъ своими получеловѣческими криками — все это въ совокупности довело насъ наконецъ до состоянія идіотской покорности.

Путешествіе по этой мѣстности и въ то время года когда мы его предприняли представляетъ нескончаемую, непрерывную борьбу съ прелятствіями самаго непріятнаго, а подчасъ и неожиданнаго свойства. Разстояніе отъ Самары или Саратова

до Ташкента, главнаго города Туркестанской области, около двухъ съ половиною тысячъ верстъ. Хотя въ Европѣ и Америкѣ подобный переѣздъ кажется совершенными пустяками, въ Азіи это дѣло совсѣмъ не легкое, требующее цѣлыхъ недѣль, а при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, цѣлыхъ мѣсяцевъ на приведеніе его въ исполненіе. Русскіе устроили почтовое сообщеніе по всему пространству этой линіи и, въ тѣхъ случаяхъ когда лошади не оголодали еще послѣ лѣтнихъ пастбищъ и дороги хороши, или же въ началѣ зимы по первому пути, весь переѣздъ можетъ-быть совершенъ въ 3 недѣли, если ѣхать днемъ и ночью. Весною же, въ ту пору о которой идетъ рѣчь, когда лошади изморены зимнимъ голодомъ, дороги изрыты и затоплены, можно почитать себя счастливымъ если удастся совершить этотъ переѣздъ и въ три мѣсяца. Первой заботой каждаго путешественника въ этихъ мѣстахъ должно быть пріобрѣтеніе тарантаса, такъ какъ почтовые телѣги и сани мѣняются съ каждой перемѣной лошадей, что поставляетъ пассажировъ въ необходимость перегружать такъ же часто и весь свой багажъ, который не можетъ-быть незначительнаго вѣса и объема при такого рода переѣздахъ. Тарантасъ — исключительно русская повозка, кромѣ рѣдкой прочности имѣющая то удобство что снятая съ колесъ, можетъ-быть поставлена на полозья и съ такимъ же успѣхомъ исполнять должность зимняго экипажа, что и пришлось намъ, напримѣръ, примѣнить на дѣлѣ при самомъ нашемъ выѣздѣ.

Мнѣ кажется что переѣздъ отъ Саратова до Казалинска, гдѣ насъ застаетъ начало этой главы, можетъ показаться не безынтереснымъ читателю, и потому я постараюсь, въ возможно краткихъ словахъ, дать бѣглый очеркъ этого му-чительнаго для насъ времени.

Первый день путь нашъ лежалъ по лѣвому берегу Волги, черезъ поселенія нѣмецкихъ колонистовъ, основавшихся здѣсь въ царствованіе Екатерины II, въ 1769 году. Довольно пріятенъ еще былъ нашъ переѣздъ по этимъ маленькимъ старомоднымъ селеніямъ съ ихъ привѣтливими, уютными домиками, полузанесенными снѣгомъ, ихъ приземистыми кирками съ высокими колокольнями, какъ бы для того поставленными чтобъ указывать мѣсто гдѣ стоитъ деревня, на тотъ случай если она окончательно будетъ занесена степными мятелями. Почтовые станціи вездѣ чисты и опрятны,

ТАРАНТАСЪ. Съ рисунка Верещагина.

J. SOMMER.

всегда можно добыть хорошій кофе, хлѣбъ и масло, народъ проворенъ и услужливъ, лошади въ хорошемъ состояніи, и мчимся мы полнымъ галопомъ по блестящей снѣжной пеленѣ. Рѣзкій зимній воздухъ весь сверкаетъ отъ летающихъ въ немъ морозныхъ частицъ, которыя, точно иглы, колютъ вамъ лицо; сильные порывы вѣтра заставляютъ его горѣть подъ морозомъ, но все это казалось намъ тогда только пикантною приправой къ нашей длинной санной прогулкѣ. Изъ деревни въ деревню, отъ станціи къ станціи, переносимся мы со скоростью почти желѣзнодорожнаго поѣзда. Подѣхавъ къ станціи, послѣдно выскакиваемъ мы изъ своей повозки, выворачиваемся изъ овчинъ и входимъ въ теплую комнату станціоннаго дома; тѣмъ временемъ какъ мы согрѣваемся и наскоро выпиваемъ по стакану чаю или кофе, лошади уже готовы, и вотъ мы опять въ дорогѣ, весело мчась по снѣгу подъ звуки колокольчика. Днемъ и ночью ѣдемъ мы такимъ образомъ, устраиваясь спать какъ можемъ въ экипажѣ и только изрѣдка останавливаясь перекусить на скорую руку, пока не доѣзжаемъ до Николаевска. Здѣсь приходится намъ распрощаться съ нѣмецкими колонистами, а вмѣстѣ съ ними и со всѣмъ нашимъ дорожнымъ комфортомъ и спокойствіемъ. Изъ Николаевска мы прямо проѣзжаемъ на Уральскъ, минуя почтовую дорогу, и тутъ уже начинаемъ испытывать перемѣну.

Мы находимся на вольной почтовой дорогѣ, то-есть на почтовой линіи основанной не правительствомъ, а частною предпріимчивостью. Тутъ нѣтъ почтовыхъ лошадей и останавливаемся мы уже не на почтовой станціи, а у крестьянскихъ избъ, ища мужика, которому приходилось поставлать для насъ лошадей. Лошади эти по большей части костлявыя, лохматыя, полуизмороженныя голодомъ животныя, совсѣмъ не похожія на тѣхъ лоснящихся, сытыхъ лошадокъ что мчалъ насъ по странѣ нѣмецкихъ колонистовъ; онѣ едва въ состояніи плестись шагомъ, да и самые перѣѣзды гораздо длиннѣе, а въ избахъ уже не можемъ мы долпроситься ни молока, ни масла.

Вотъ подѣзжаемъ мы, бывало, къ одной изъ этихъ избъ, исполняющихъ должность станціонныхъ домовъ. Выскакиваемъ изъ тарантаса, расправляемъ онемѣлые, полузамершіе члены и вступаемъ въ сѣни, холодныя и темныя, исполняющія роль кладовой и чулана, а также прикрывающія входи

въ настоящую избу отъ пронзительнаго зимняго вѣтра; пробравшись тутъ ощую, подходимъ къ тяжелой обитой войлокомъ двери, которая откидывается къ стѣнѣ, а за ней наталкиваемся на другую, подобную ей, дверь, но уже отворяющуюся въ сторону избы—и вотъ мы въ самой избѣ, натопленной до такой степени что въ первый моментъ представляется что какою-то сверхестественною силой насъ втокнуло въ то самое мѣсто что обыкновенно считается самымъ раскаленнымъ во всей вселенной. Внутренняя атмосфера налегаетъ на насъ какъ горячая подушка, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы почти задыхаемся, тогда какъ глаза наши, привыкшіе къ яркости зимняго солнца, ничего не могутъ различить въ этомъ полумракѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, впрочемъ, къ намъ возвращается понемногу способность дышать и видѣть. Мы находимся въ тѣсной избѣ, футовъ въ 12 шириною при 14ти длины; около четверти этого пространства занимаетъ собою раскаленная печь, изъ которой и выходитъ этотъ ошеломляющій жаръ; одно или два маленькихъ окошка съ двойными рамами и стеклами, покрытыми снаружи толстымъ слоемъ льда, лавки вокругъ всей стѣны, столъ, сколоченный изъ неотесанныхъ досокъ, двѣ-три скамьи изъ того же матеріала; въ одномъ изъ угловъ у потолка образъ Николая Чудотворца а иногда и образъ Богородицы; немного въ сторонѣ, на веревкѣ прибитой къ потолку, виситъ глиняный сосудъ, напоминающій формою чайникъ, и наполненный водою: стоить только его нагнуть, и вы можете тутъ же умыться надъ стоящей подъ нимъ деревянной лоханью; вотъ и все незатѣйливое убранство избы. Нѣтъ никакихъ полокъ, да онѣ бы и были здѣсь излишнею затѣей, когда изъ всей посуды имѣется развѣ пара ножей, нѣсколько деревянныхъ чашекъ и съ подложкины такихъ же ложекъ; нѣтъ постели, такъ какъ вся семья спитъ на этой самой чудовищной печи, прикрываясь старымъ тряпьемъ и тулупами; нѣтъ здѣсь шкаловъ, потому что платья свои они сберегаютъ въ болѣе подходящемъ мѣстѣ, а именно на собственныхъ спинахъ, почти никогда не снимая, даже во время сна. Въ избахъ этихъ въ рѣдкихъ случаяхъ найдете вы даже самоваръ, необходимую принадлежность каждаго станціоннаго дома: здѣшній мужикъ слишкомъ бѣденъ чтобы позволить себѣ эту роскошь,—два, много три самовара приходится на всю деревню и праятъ всю службу.

Сговорившись относительно лошадей, мы садимся за столъ, и намъ вносятъ нашу чайную посуду и занятый у сосѣда калѣжку-самоваръ. Скоро вода закипаетъ, чай заваренъ, и мы погружаемся въ процессъ чаепитія, стараясь заластись тепломъ для предстоящей борьбы съ вѣтрами и морозомъ. Затѣмъ мы опять въ дорогѣ, опять начинается возня съ изморенными животными, которыя едва-едва тянутъ насъ по нескончаемой снѣжной равнинѣ.

Впрочемъ, всей вины нельзя и сваливать на лошадей; возницы также не мало намъ перелопортили крови. Помнится, какъ-то ночью, чуть ли не одной изъ самыхъ морозныхъ которыми намъ приходилось подвергаться, застигнуты мы были въ полѣ страшной мятелью, и едва-едва на разсвѣтѣ добрались до деревни. Каково же было наше удивленіе, когда мы тутъ увидели что нашъ чудовищный возница, косою сажени въ плечахъ, до носа укутанный полушубками и овчинами, спрыгиваетъ съ козель и мало-по-малу обращается въ груду овчинъ и быстроглазую дѣвочку двѣнадцати лѣтъ! Къ удовольствію своему, мы, впрочемъ, узнали что не одной ей были вѣрены, а что отецъ ея вѣхалъ впереди съ нашимъ багажемъ.

Отъ русскихъ деревень переѣхали мы въ поселенія Башкиръ, гдѣ чуть не принуждены были зимовать, вслѣдствіе упрямства этихъ разбойниковъ, которые отказывались ставить лошадей иначе какъ за баснословныя цѣны, да и то не всегда ихъ можно было добиться. Послѣ неумовѣрныхъ усилій и такого количества дипломатическихъ уловокъ которое удивило бы самихъ Бисмарка и Тьера, намъ, впрочемъ, удалось вырваться отъ нихъ; мы перерѣзываемъ южную отрасль Уральскихъ горъ и въѣзжаемъ въ землю Уральскихъ казаковъ.

Отъ Уральска, по берегу Урала, до самаго Оренбурга наше путешествіе много напоминаетъ собою переѣздъ по землѣ нѣмецкихъ колонистовъ. Лошади исправны, станціонные дома чисты и опрятны, и еслибы не изрытыя канавами и ложбинами дороги, этотъ переѣздъ былъ бы пріятенъ, несмотря на трескучій морозъ.

Въ Оренбургѣ останавливаемся мы всего на нѣсколько часовъ, переправляемся чрезъ Уралъ по льду, оставляемъ Европу за собою и скоро обрѣтаемся далеко въ широкихъ, необозримыхъ равнинахъ Азіи.

Здѣсь почтовые лошади поставляются Киргизами, у которыхъ ихъ цѣлыя тысячи бѣгаютъ на волѣ по степи. Но ран-

нею весною, изнуренныя долгимъ зимнимъ голодомъ, онѣ едва передвигаютъ ноги. Иногда приходилось впрягать въ наши двѣ повозки отъ лятнадцати до двадцати лошадей, по три, по четыре въ рядъ; спотыкаясь плелись онѣ предъ нами какъ стадо овецъ, но никогда не были въ состояніи подняться въ рысь. Верблюды, которыхъ намъ иногда поставляли вмѣсто лошадей, оказались ничѣмъ не лучше этихъ послѣднихъ, съ тою развѣ разницей что который-нибудь изъ этихъ „кораблей пустыни“ поднималъ вой, точно протестуя противъ всей этой процедуры, и уже незамолкалъ ни на минуту въ продолженіе всего переѣзда, верстъ на 30—35.

Много часовъ приходилось намъ проводить на морозѣ въ вознѣ съ нашими клячами, а затѣмъ вмѣсто станціи подѣзжали мы къ землянкамъ, крытымъ хворостомъ и землею, куда пробираться приходилось подземнымъ ходомъ. Не будь тутъ почтовыхъ столбовъ врытыхъ въ землю, легко можно бы проѣхать подобную станцію не подозрѣвая даже ея существованія, — такъ сравниваются крыши этихъ комфортабельныхъ жилищъ съ уровнемъ снѣжной равнины. Лошади вѣчно оказывались угнанными въ отдаленный аулъ, надо было посылать ихъ искать и приводить, на что употреблялось по нѣскольку часовъ, такъ что нерѣдко мы дѣлали по одному только переѣзду въ день. Въ одномъ даже мѣстѣ намъ нѣотрѣзъ отказались ставить лошадей, объявляя безъ обиняковъ что ихъ нѣтъ и не будетъ. На вопросъ нашъ у Киргиза, которому приходилось поставять лошадей, не думаетъ ли ужъ онъ что мы за тѣмъ и ѣхали чтобы простоять здѣсь на мѣстѣ всю зиму, онъ преспокойно отвѣчалъ что не знаетъ, да и дѣло это не его. Терпѣнью нашему, впрочемъ, настала конецъ, а Акъ-Маматовъ, нашъ слуга-Татаринъ, чело-вѣкъ къ дѣлу привычный, немедленно пустилъ въ ходъ для убѣжденія невозмутимаго Киргиза крайніе доводы, приправ-ляя ихъ вѣскими ударами старой, ржавой шлагы, которая при немъ случилась. Эта дипломатическая уловка оказалась дѣйствительнѣе всѣхъ переговоровъ, потому что немедленнымъ ея слѣдствіемъ было то что намъ вывели множество клячъ, почти съ ногъ валившихся отъ голода, и чрезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали, несмотря на всеобщее убѣжденіе что несчастныя животныя эти полягутъ на половинѣ переѣзда.

Съ подобными развлеченіями тянутся для насъ дни за днями; нѣкоторые проходятъ въ свирѣлыхъ снѣговыхъ вихряхъ, которые воютъ, кружась вокругъ насъ, точно всѣ стелные демоны на насъ ополчились; другіе — въ ослабительномъ солнечномъ сіяніи и трескучихъ морозахъ, которые заставляютъ нарывать наши лица. Отъ времени до времени подтѣждаемъ мы къ темнымъ землянкамъ, душнымъ и дымнымъ, подсаживаемся къ кипящему самовару и поглощаемъ цѣлые океаны горячаго чая; затѣмъ опять пускаемся въ дорогу, въ ту же утомительную борьбу со степью. Даже ночью когда случалось просыпаться, насъ неотступно преслѣдовало сознаніе что мы все въ тѣхъ же таинственныхъ странахъ Средней Азіи, окружены все тѣмъ же безмолвіемъ при мертвеномъ свѣтѣ той же луны, гдѣ на цѣлые десятки верстъ кругомъ не найдешь людскаго жилища, развѣ только попадетсѣ гдѣ землянка, болѣе похожая на кротовую нору, чѣмъ на жилище человѣка, — такъ сглаживается ея поверхность и подводится къ уровню всей окружающей степи, какъ бы подавляемая ея обширностью. Жутко бывало подумать о странномъ образѣ жизни выпавшемъ на долю бѣднаго станціоннаго смотрителя, прозябающаго въ этой подземной берлогѣ занесенной снѣгомъ и отрѣзанной отъ обитаемаго міра.

Есть что-то непонятно гнетущее и ужасное въ неизмѣнномъ однообразіи этихъ безконечныхъ снѣговыхъ равнинъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ вы не видите ничего кромѣ необозримыхъ снѣговъ и неба, гдѣ вы изображаете собой какъ бы двигающійся центръ этого бѣлаго покроя обрамленнаго со всѣхъ сторонъ прямою линіей горизонта; да и самый горизонтъ какъ будто передвигается вмѣстѣ съ вами, налегаетъ на васъ и подавляетъ васъ какъ чудовищный жерновъ. Здѣсь найдете вы весь просторъ и уединеніе Океана, но безъ движенія; холодную, ледяную тишину арктическихъ странъ, безъ сіянія арктическихъ ночей и безъ величія арктическихъ горъ. Вездѣ кругомъ безмолвіе и пустота необитаемаго міра.

Единственная жизнь проявляющаяся въ этихъ снѣговыхъ равнинахъ заключается въ свирѣломъ бушеваніи вѣтра, который вырывается изъ холодныхъ окраинъ сѣверной Сибири и на пространствѣ цѣлыхъ тысячъ верстъ не встрѣчаетъ ни малѣйшей преграды; онъ рѣжетъ вамъ лицо какъ лезвеемъ ножа, если вы не позаботитесь укрыться отъ его свирѣлости;

поднимаетъ снѣгъ клубами и носить ихъ по всей степи. Короткіе солнечные дни, когда сверканіе снѣговъ ослабляло насъ, длинныя холодныя ночи проведенныя въ полусонномъ, въ полусамерзломъ состояніи, ходячіе лошадиные скелеты, едва передвигающіе ноги подъ градомъ ударовъ, — и теперь не могу я вспомнить обо всемъ этомъ безъ содраганія.

День за днемъ, ночь за ночью, недѣля за недѣлей застаютъ насъ въ дорогѣ, въ медленномъ движеніи впередъ по однообразной снѣговой степи, гдѣ мы мѣняемъ лошадей на станціяхъ до того похожихъ одна на другую что намъ все кажется что мы возвращаемся къ одному и тому же мѣсту, что мы вовсе не подвигаемся впередъ, а вѣчно окружены все той же полосой горизонта, отступающей отъ насъ по мѣрѣ того какъ мы къ ней подвигаемся. Наконецъ, вся эта степь начинаетъ представляться нашему онѣмѣлому воображенію чѣмъ-то въ родѣ чудовищнаго колеса, въ которомъ мы, какъ бѣлки, сколько изъ силъ ни выбиваемся, все толчемся на томъ же мѣстѣ.

Но вотъ, по мѣрѣ приближенія къ Сыръ-Дарьѣ, погода дѣлается теплѣе, снѣгъ понемногу исчезаетъ, и намъ приходится переправляться черезъ большія наводненныя пространства и ежеминутно вязнуть въ грязи и промоинахъ. Мало-по-малу снѣговой покровъ равнины уступаетъ мѣсто зеленому, воздухъ дѣлается мягокъ, все кругомъ дышетъ весною и начинаетъ наполняться благоуханіемъ цвѣтовъ. Мы повсюду встречаемъ Киргизовъ съ ихъ кибитками и верблюдами: они трогаются уже съ зимнихъ своихъ стоянокъ и предпринимаютъ свой ежегодный лѣтній переходъ по направленію къ сѣверу, и вся равнина испещрена стадами ихъ скота. Такимъ образомъ, зима для насъ миновала, хотя въ широкой степи, которую мы оставили за собою, снѣгъ еще долженъ быть по колѣна. Затѣмъ вѣзжаемъ мы въ лески Кара-Кумы, по которымъ движемся съ трудомъ, и наконецъ, яснымъ солнечнымъ вечеромъ, взбираемся на маленькій песчаный холмъ, миновавъ у подношья его послѣднюю станцію, и съ восторгомъ привѣтствуемъ синія воды Аральскаго моря, разстилающіяся посреди желтыхъ песковъ и сверкающія какъ бирюза, обдѣланная въ золото.

Въ мрачномъ спокойствіи и тишинѣ лежитъ оно посреди песчаной пустыни его окружающей. Съ нашей стороны его берега образуютъ пологіе холмы покрытые кустарникомъ,